

**ПИСЬМО ПОКОЙНОМУ ДРУГУ
О КНИГЕ ВАЛЕРИЯ АНАТОЛЬЕВИЧА СЕНДЕРОВА
ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ
В СВЕТЕ ИДЕЙНЫХ ТЕЧЕНИЙ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ.
М.: ЭОН, 2018. 174 С. (РАН ИНИОН)**

Владимир Карлович Кантор

Главный редактор журнала
«Философические письма. Русско-европейский диалог»
Доктор философских наук, ординарный профессор
Заведующий Международной лабораторией русско-европейского
интеллектуального диалога НИУ ВШЭ

LETTER TO DECEASED FRIEND. SENDEROV'S BOOK

Vladimir Kantor

Editor-in-chief of the journal

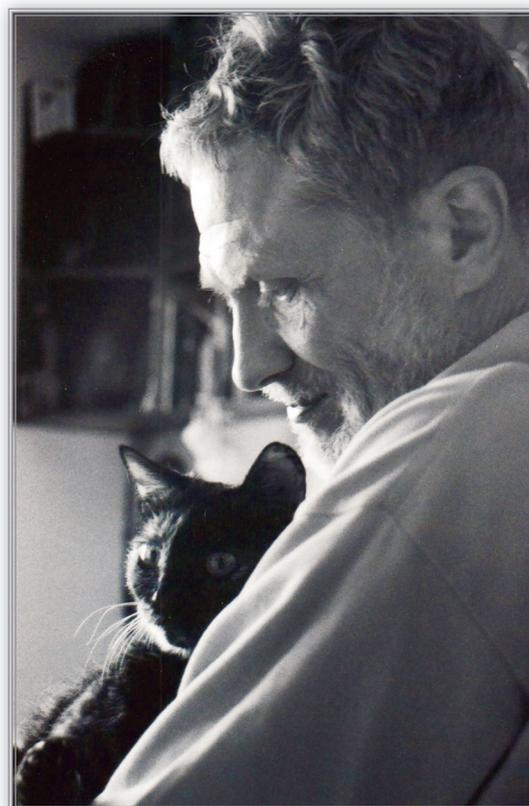
«Philosophical Letters. Russian-European Dialogue»

Doctor of Philosophy, Ordinary Professor

Head of the International Laboratory of the Russian-European Intellectual
Dialogue NRU HSE

Валерий был настоящий христианин, поэтому смею думать, что слова о его работе, которой он жил, которой дышал, дойдут до него в те области, где он пребывает сейчас. А пребывает он, я уверен, там, где Господь собрал людей разума, света и совести. Тьмы там нет, ибо свет и во тьме светит. Еще одно пояснение: хотя перед читателем письмо, но пишу я своему другу и адресату и одновременно о нем, а потому для ясности изложения — в третьем лице.

Предваряю рассказ о книге рассказом о ее авторе, чтобы читатель понял неординарность этого мыслителя. Валерий Анатольевич Сендеров, мой ровесник (1945–2014), чрезвычайно талантливый математик, поступил, несмотря на *пятый пункт*, в нача-

ле 60-х в Физтех и окончил его, хотя на пару лет был исключен за несоветские взгляды. Далее последовали годы заключения. Он был, как его называли, рыцарем диссидентского движения; если бы читатель мог увидеть его фото, то стало бы понятно второе его прозвище Князь Мышкин. Он был арестован в эпоху андроповской антидиссидентской волны, ибо бывший начальник КГБ объявил, что покончит с инакомыслием. Ломались многие. Валерий с самого начала заявил, что не признает легитимности кагэбэшного суда, и получил по тем временам максимальный срок — семь лет зоны и пять лет ссылки. Он остался несломленным все время тюремной эпопеи. При первом же обыске, как вспоминает его поделщик, у него конфисковали Библию; в ответ молодой математик отказался работать. Кстати, он был автором нескольких десятков статей по функциональному анализу. Уже находясь в тюрьме, стал членом Нью-йоркской академии наук. При этом он практически не выходил из страшного штрафного изолятора (ШИЗО). В 1987 г. был «помилован» (без каких-либо заявлений и просьб с его стороны). Что меня всегда в нем подкупало — это легкая усмешка-насмешка над бредом русской жизни. Вот один пример из его записей: «Библия... Первое мое сильное тюремное впечатление было связано со святой Книгой. Я взял ее с собой при аресте. На обыске в милиции Книгу отобрали, стали записывать в протокол. “Кто автор?” Я в первый момент не понял, потом стал потешаться. “Господь”. Не понимают. “Создатель — автор”. Опять не понимают. “Дух Святой”. Переглядываются. Потом один вроде что-то понял. “Да какой вам автор? Это же Библия”. — “Библия — название. А положено еще автора в протокол писать”, — строго поправил офицер» (165)¹.

Валерий был одним из самых активных правозащитников, печатался в «Русской мысли», был членом редколлегии «Граней» и «Посева», где с его легкой руки были опубликованы и мои тексты. Познакомились мы с ним в 1991 г. (познакомил Сергей Хоружий). Я делал подборку о евразийстве в журнале «Вопросы философии», но, за исключением моего текста, остальные были сплошное восхваление этого течения. Стоит заметить, что власть тогда искала, какой идеологией можно заменить ленинизм, и послушная интеллигенция радостно и наперебой стала предлагать евразийство как наиболее близкую доктрину. Откуда такое ослепление? Нельзя пренебрегать и фактором участия в этом движении крупных русских мыслителей-эмигрантов, что действовало на постсоветское сознание. Я спросил Хоружего, не знает ли он человека, который мог бы решительно ударить по этой подхалимской компании. «А ты разве не знаком с Валерой Сендеровым? Познакомлю».

Хоружий — замечательный математик и очень крупный историк русской религиозной мысли. Валера ему доверял. Знакомство состоялось. Валерий Ана-

¹ Здесь и далее цитирование ведется по рецензируемому изданию. — *Прим. ред.*

тольевич позвонил, мы поговорили, и через несколько дней он принес статью, которая была много острее моей. Прочитав, я не мог не согласиться с ним, с его жестким определением: «Ныне евразийство — основа постсоветского антиевропеизма» (49). Статья была о «взаимном просачивании евразо-большевизма и коммуно-большевизма» (55). Об антиевропеизме и фашистских началах в евразийстве писал еще Федор Степун. В. А. Сендеров эту мысль уточнил: «В своем отрицании европейского пути России евразийцы последовательны: их не устраивает не только послепетровская Империя, но и византийская Русь XI–XIII вв. (Заметим, что евразийцы объективно дают, “методом от противного”, весьма выразительное доказательство именно европейского характера русского пути.)» (52).

Стоит отметить, что многие родоначальники евразийства от него ушли — такие как отец Георгий Флоровский, Лев Карсавин. Самые жесткие слова о евразийцах как губителях русской классической культуры написал Иван Ильин. Но современники не знали о том, что внутрь течения проникли агенты ЧК, что они создали самые важные программные документы. «Нас интересует идеология движения, а не его невеселая история, — писал Сендеров, — хотя <...> евразийские конструкции в какой-то мере изобретены прямо на Лубянке» (55).

После публикации этой статьи мы часто беседовали, оказалось, что во многом мы одинаково оцениваем русскую историю. Могу не без гордости сказать, что, начиная с моей книги «...Есть европейская держава», Валерий почти регулярно откликался на мои тексты. Я не хвастаюсь, говоря это. Думаю, что Валера не рассердится на меня, если читает эти строчки.

Он жил проблемами русской культуры, не оставляя математики, математическая точность сказывалась в его историософских штудиях; ведь не только дьявол кроется в деталях; в еще большей степени детали проясняют суть дела. Впрочем, дьявол умен. Но человек верующий всегда переиграет, ибо нечистый дух прежде всего хозяин толпы, принимает облик ее лидера. Добавлю: как свободный человек, живший в историческом пространстве, Валера понимал, что значение русской мысли можно оценить только в европейском контексте. Поэтому, рассуждая о сменовеховцах (глава «Устряловщина»), которые, чтобы преодолеть хаос русской жизни, желали сильной диктаторской власти в России, он писал текст о немецкой консервативной революции, которая в конечном счете проложила путь к власти Гитлеру. После мировой войны передышка была необходима. Какая? «Устрялов ее вскоре ясно обозначит как “фашистский цезаризм”. Что ж, даже вариант муссолиниевского типа был бы в те годы передышкой для несчастной страны. Но протираешь глаза, видя, кого персонально прочтат сменовеховцы в грядущие “собиратели России”. “Залогом будущей дружбы и согласия народов” сделаться суждено — товарищу Сталину» (61). Это

написано в 1921 г. Еще жив Ленин, Троцкий идет номером вторым. Такое почти мистическое предвидение. Но тираны не любили провидцев, даже помогавших им, об этом прекрасно рассказал Лион Фейхтвангер в романе «Братья Лаутензак», где пророк Оскар Лаутензак, придумавший ход Гитлера к власти, приговаривается фюрером к смерти. В 1937 г. был расстрелян и Устрялов. Любопытно, как перекликались и подпитывали друг друга антихристианские движения в России и Германии. В России Временное правительство прокладывает путь большевикам. Интеллектуалы от Милюкова до Керенского давили военную оппозицию, раздавая оружие большевикам, был разгромлен Корнилов, Ленин набрал силу. В Германии Веймарская республика, в сущности, дала возможность состояться так называемой консервативной революции. Духовными лидерами этого движения у немцев были большие мыслители, такие как Шпенглер, Хайдеггер, Эрнст Юнгер. Шпенглер быстро разочаровался в фюрере, слишком был умен. Сестра Ницше напрасно пыталась приписать мыслителю идеалы и ценности, которые привели к власти фюрера. В ответ она услышала слова об обезьяне, которую посадили за рояль играть Бетховена, в результате инструмент был уничтожен. «Гebbельс дважды просит философа с мировым именем поддержать фюрера — оба раза следует отказ. И немедленно начинается травля автора Заката Европы. Вскоре имя «воспитателя Германии» попросту запретили упоминать в прессе этой страны» (85).

Хайдеггер покинул пост ректора Фрайбургского университета, на что его коллега иронически заметил, что, похоже, профессор бежал из университета от гитлеровской идеологии, как некогда Платон бежал из Сиракуз от тирана Дионисия. Дионисий Старший, правда, успел продать философа в рабство. От Младшего тот улизнул.

Хочу процитировать большой пассаж Валеры на тему, о которой мало думают в этой связи: «Не обошлось и без универсальной отнюдь не только для православного Востока идеи *третьего*: Третьего Рейха — Третьей Империи — Третьего Рима. Сочетание “Третий Рейх” тогда еще не заставляло тревожно вздрагивать: речь шла, конечно же, об “определяющем *высшую* действительность”, “*невидимом* Рейхе” (Фридрих Юнгер). Но если в романском понимании Империя подчеркнута отрицалась — с русскими образами дело обстояло не так: идеи великого средневекового еретика Иоахима Флорского воспринимались как непосредственно, так и через их преломление — у Достоевского, Мережковского. Третий Завет — Третий Рим — Третье Царство (Мёллер ван ден Брук)». Прерву на момент цитирование, ибо стоит возразить: не стоило бы так резко называть Иоахима еретиком. Все же неслучайно Данте поместил Иоахима Флорского в рай рядом с Аврелием Августином. Мережковский, которого почитала в те годы германская литература наравне с Достоевским, написал о

Флорском книгу. Добавлю, что о третьей революции, революции духа, мечтал Маяковский.

Но вернусь к логике рецензируемого текста. Валера писал: «...не только по поверхностному “антивеймарскому” слою идей тематика тех консервативных революционеров совпадает с сегодняшней, с нашей. То, что мы называем, обобщенно и отвлеченно, “Европой”, немцы тоже часто видели где-то в стороне, далеко от себя. Не нужно забывать: Германия тоже — окраинная страна, и по ней не успел тогда еще основательно прокатиться западный цивилизационный каток. “Если человек не подчинился ладу зова, исходящего от дороги, он напрасно тщится наладить порядок на земном шаре, планомерно рассчитывая его. Велика опасность, что в наши дни люди глухи к речам проселка. Шум и грохот аппаратов полонили их слух, и они едва ли не признают его гласом Божиим. Так человек рассеивается и лишается путей”. Странно — но так писалось всего полстолетия назад, в самой технически развитой стране континента... Однако романтические призывы бежать от современности приводят подчас не на идиллический сельский проселок — слова великих немцев запечатлелись не только в истории мысли» (69–70).

Не могу не упомянуть в своем письме о полемике Валерия Анатольевича с современным изводом правых консерваторов типа Юлиуса Эвола, Рене Генона, а также с отечественными правыми, группировавшимся вокруг А. Дугина и его журнала «Элементы». Эти тенденции были для него категорически неприемлемы. Он возлагал большие надежды на солидаризм как «третий путь Европы», я морщился, когда мы говорили с ним об этой его надежде. Все же это тоже своего рода партия, несмотря на красивые слова и благородную интенцию. Партийность всегда опасна, неслучайно солидаристы, пытаясь решить свои проблемы, искали союза с Муссолини и даже Гитлером. И еще вопрос: почему же идеи эти не стали сами по себе столь действенны, как, скажем, идеи коммунизма, либерализма и т. д.? Сендеров отвечает достаточно трезво: «Принципы этой доктрины при всей своей простоте все ж понятны только меньшинству, они вытесняются демагогией речей и брошюр» (146).

И все же, дорогой Валера, для меня наиболее интересной и ценной стала первая часть Вашей книги — «Общество и власть в России». В ней сформулированы идея, наблюдение, понимание русской жизни и истории, актуальные и сегодня. Валера, Вы задаете вопрос, который всегда настолько точен для русской жизни, что оторопь берет: «Отчего последние десять лет нападки на власть почти всегда вызывают у меня раздраженное отторжение? Вовсе не потому, что я с властью так уж часто теперь согласен. А потому, что яростных ниспровергателей не интересуют, хороши ли, плохи ли те или иные конкретные правительственные шаги. Дело для них совсем в другом. <...> Мы — это свобододлюбивая,

вечно стремящаяся к демократии и просвещению российская интеллигенция. Или же, в варианте иной, конкурирующей секты, мы — великий, духовный, православный народ. И мы вписаны (это опять секта первая) в проклятые, замкнутые, нерасторжимые круги русской истории. Нас вечно — и вот снова сейчас! — гнетут мистические они: злодейская, постоянная, номенклатурная Русская Власть! Мы, русский народ (песнопение рядом, в соседней пещере), — опять в злодейском плену! Опять и опять нас гнетут глобалисты, жидомасоны, купленная и продавшаяся, проклятая Нерусская Власть...

Словом, “мы” — добро. “Они” — зло» (5–6).

Замечу, что протестное поведение без удержу, как писали Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский, Б. Н. Чичерин, М. Н. Катков, характерно для молодежи. Троцкий называл молодежь барометром партии. В тюрьмах, как рассказал в «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицын, самый страшный контингент, не имеющий никаких представлений о человеческих нормах, — это подростки. Параллельно с Вашей книгой «Власть и общество» я читал трактат Цицерона «О старости». Цицерон писал: «Если вы почитаете и послушаете о событиях в других странах, то увидите, что величайшие государства рушились по вине людей молодых и охранялись и восстанавливались усилиями стариков. <...> Опрометчивость, очевидно, свойственна цветущему возрасту, дальновидность — пожилому» (Цицерон, 1999: 18–19). Молодость — сила, но страшная сила, если молодой человек не прошел школу культуры, не усвоил нравственных постулатов, данных людям свыше.

И далее автор формулирует принципиальную тезу русского развития: «Что же действительно является синонимом позитивного, “прогрессивного” развития отечественной истории?»

По нашему мнению — просвещение и реформы. Исторический путь христианского мира давно определяется западными, протестантскими странами — “нашими” по основной системе своих ценностей, но часто весьма далекими от нас по интерпретации их. Хорош ли этот путь, плох ли — отдельный вопрос. Но в наличествующей ситуации перед Россией давно, как в древней былине, три пути. Можно было пребывать в самобытности, не обращая особого внимания на окружающий мир. И это было бы до времени уютно и спокойно, в огромной богатейшей стране. Но потом это время пришло бы, и в итоге несложной военной операции Великая армия превратила бы нас в наполеоновский департамент. Второй путь: раствориться в протестантском прогрессе, а о собственных базовых ценностях забыть; ясно, что и это — путь к историческому несуществованию страны.

Послепетровская Россия выбрала третье направление: путь постоянных последовательных реформ. Не отказываться от своего подлинного существа, но по-

стоянно корректировать Европой свое историческое бытие — это был трудный, требующий максимального напряжения путь» (7).

Один из важных примеров автора — это правление Екатерины. Перескажу вкратце. Все помнят письма Екатерины к Вольтеру и Дидро. Но от государыни осталось не только эпистолярное наследие: десятки больших трактатов о либеральной государственности — оконченных и неоконченных, и принадлежащих ее перу, и совместных, и вдохновленных ею. Без сомнения, Екатерина — родоначальница российской либеральной мысли. И к наследию ее на протяжении XIX в. обращались русские цари, их сподвижники — то есть те, кто как раз и был реальным носителем и насадителем либерализма в стране. Что из деяний Екатерины, из событий ее царствования прямо относится

к нашей теме? Прежде всего, конечно, — Большая комиссия, «парламент». В историческом нашем сознании деятельность Комиссии отложилась не очень (в Англии знали бы школьники). Отложилось другое: Радищев, Новиков; расправы, а точнее — приговоры (для своего времени чрезвычайно мягкие).

Когда-то Георгий Федотов заметил, что русское развитие — это сумасшедший бег наперегонки между постепенными усилиями власти, пытающейся наладить европейское развитие страны, и несущимся снизу всежигаящим бунтом. Петр бунты подавил, построив мощное государство, Столыпин был этой же породы, но его сдал революционерам Николай II. Такие люди, как Петр и Столыпин, в мировой истории единичны. Жизнь их особая. Хочу привести слова Василия Розанова: «“Политика” — это не мудрость. Политика — это ярость. <...> Кто это может понять? Никто! <...> Екатерина понимала. Понимал Шешковский. Понимал вот Столыпин. Понимал Цезарь. Понимают люди каких-то совсем не наших “измерений” — не тех добрых и милых “измерений”, в которых люди пьют чай с сахаром, ходят в гости друг к другу, пишут статьи в газетах и журналах. Ум их, душа их, сердце — из какой-то темной бронзы, как и их памятники» (Розанов, 2011: 68). Добавлю только, что это ярость творцов, которые, как Моисей (из исторических деятелей им больше прочих восхищался Чаадаев²),

² «Влияние этого великого человека на род человеческий далеко не понято и не оценено, как бы следовало. <...> Раздумывая об этом необыкновенном существе и о произведенном им на людей действии, я не знаю, чему тут более удивляться, тому ли историческому явлению, которое он вызвал, или тому нравственному явлению, которое я наблюдаю в его лице» (Чаадаев, 1989: 120).

пытались создать из «подлого сброда» (выражение Т. Манна) народ, умеющий жить по правовым установлениям, как это изображено в Библии.

Разумеется, рассуждение Сендерова находится в контексте федотовской формулы, но с многими уточнениями, которые суть результат послеоктябрьского и сегодняшнего опыта. Напомню читателю, что Валерий Сендеров — не приспособляющийся к власти, а героически проживший свою жизнь правозащитник. И его упрек в адрес молодых и не очень протестантов в нападках на власть дорогого стоит.

Эту главу хочется цитировать плотно, хотя я далеко не со всем согласен. Приведу один из последних абзацев: «Пришло время подлинного испытания. И “советские люди” действительно оказались советскими людьми: надвигавшийся крах родной власти обнажил всю третьестепенность большинства протестных разногласий с ней. <...> Родившаяся на развалинах перестроек и гласностей свобода оказалась ненужной, враждебной и чужой <...> Сегодняшняя же смычка неодиссидентства с красными всех оттенков и сортов, от розово-голубых до багрово-коричневых, объясняется многим, но прежде всего — постоянным, никогда и не исчезающим духовно-идеологическим родством всех этих сил. И несмолкающие истерики по поводу нарушений прав — порой нарушений подлинных, чаще мнимых — имеют простую подоплеку: ненависть к правому (правовому) курсу страны и ее властей. Не в том дело, что реформы идут плохо: непрощаемое преступление власти, что они вообще идут. Все как обычно. Все как всегда» (41).

Так ли это? Диагноз не бесспорен. Но он поставлен человеком, которому можно верить, к чьему мнению необходимо прислушиваться. Так что диагноз этот заслуживает серьезного обсуждения.

Литература

Розанов В. В. Перед гробом Столыпина // Розанов В. В. Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. М.: Республика, 2011. С. 268.

Цицерон Марк Туллий. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Эксмо-пресс, 1999.

Чаадаев П. Я. Философические письма // Чаадаев П. Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 120.